

-- Пётр Николаевич Краснов

--

-- *Опавшие листья*

Издание:Краснов П.Н. Опавшие листья. Исторический роман. -- Екатеринбург, УТД посылторг, 1995.

Обработка текста: Кузинков А.М.(zeba_83@rambler.ru)

Оригинал здесь -- <http://krasnov-don.narod.ru/knigi/knigiK/OlKr/index.html>

-- ... "Блаженни кротцыи, яко тіи

-- наследять землю"...

-- (Отъ Матфея Гл. 5 ст. 5)

-- Часть первая

I

Страстная седмица... Сладко, волнующе пахнет в квартире Кусковых ванилью, творогом, краской для яиц, свеженатертыми мастикой паркетными полами и молодыми вербочками. Этот запах говорит о приближении великого праздника... Праздников праздника и торжества из торжеств. И надо все поспеть убрать и приготовить к празднику и сделать "как у людей".

Семья Кусковых большая, сам седьмой. Старые традиции дворянского рода, пережитки помещичьего быта заставляют еще держать родственников: бездомную тетю Катю и сироту-племянницу. При семье живут гувернантка, обрусевшая француженка, и старуха-нянька. Они никому больше не нужны. Дети повзростали, все отданы в гимназию, но выгнать, рассчитать их нельзя. Жестоко, бесчеловечно... Они сжились с семьей, вошли в нее. Как их выгонишь! У папеньки Варвары Сергеевны Кусковой учитель музыки до самой смерти жил. Давно оглох, никому уроков не давал, ничего не играл, а кормили, комнату давали, обували, одевали... Не на улицу же гнать! Собаку и ту не прогонишь.

Правда, теперь не те времена. Папенька казенную квартиру имел во дворце... Двенадцать комнат. Прислуга была нипочем, из деревни мужики оброк посылали... Теперь не то. Кусков уже более двадцати лет служит в статистическом комитете и еще читает лекции по статистике. Кормит "двадцатое число". От имени ничего не осталось, и трудно сводить концы с концами, но куда же денешь хромую, ничего не умеющую тетю Катю, не отдавать же в сиротский дом племянницу Лизу и не гнать же mademoiselle Suzanne, с которой выходили и вынянчили всех пятерых детей. И старую няню Клушу не выгонишь. Все это "свои", кусковские, такие же члены семьи, как и дети, дорогие, милые, родные, любимые...

И нельзя обделять их куском хлеба, нельзя не дать крова и покоя. Таков обычай... Русский обычай... Христианский обычай... Так было... Так и быть должно... Все должны помогать друг другу. В квартире, полной детей, тихого утреннего шороха и негромких несмелых голосов, полуразбуженной, полубодряющейся, полуспящей, жизнь уже началась.

Варвара Сергеевна только что проводила на службу мужа. Она заперла дверь на крюк и тихой походкой уставшей от жизни сорокачетырехлетней женщины, мягко ступая по полу войлочными туфлями, пошла в столовую.

В гостиной оба окна были настежь раскрыты, на подоконнике стояли табуретка и ведро с водой. На табуретке, отважно высунувшись во двор, презирая высоту четвертого этажа, цепляясь обнаженной выше локтя смуглой рукой за верхнюю раму, горничная Феня мыла стекла. Ее ноги были босы, подоткнутая юбка открывала их до колен. Белые, с синеватыми жилами, с розовыми пальцами, напряженными на табуретке, они точно впились в мокрые доски. В окно доносился треск дрожек по каменной мостовой, и на дворе, глубоким ящиком черневшем внизу, разносчик кричал:

-- Цветики, цветики! А не пожелаете!.. Хорошие цветочки!

Он приподнимал над головой лоток, уставленный гиацинтами, тюльпанами, белой и розовой азалией, и смотрел на окна флигелей. Со двора врвался свежий весенний воздух, запах кокса, угля, запах города, очнувшегося от долгой зимы.

Большие фикусы, рододендроны, азалии, латании, музы, лавры и лимоны стояли в горшках и кадках на полу, ковер под диваном и круглым столом с лампой был подогнут. Кресла и столики сдвинуты в беспорядке в угол.

Варвара Сергеевна, отвернувшись от Фени, поспешно прошла в столовую. Она смертельно боялась высоты. Ей все казалось, что Феня упадет во двор и разобьется. Но она никогда не запрещала так